

Полевые материалы этнографа Грибовой Л. С. по исторической традиции в современном быту и духовной культуре коми-пермяков (1964)

Шарапов В. Э., Жеребцов И. Л.

ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
sharapov.valery@gmail.com
zherebtsov@mail.illhkomisc.ru

Аннотация

В публикации приводятся ранее не опубликованные полевые материалы, собранные Л. С. Грибовой в ходе четырехмесячной экспедиции у коми-пермяков весной-летом 1964 г. В 1961–1968 гг. Л. С. Грибова училась в заочной аспирантуре при Коми филиале АН СССР по специальности «Этнография народов СССР» и под руководством д.и.н. С. А. Токарева работала над темой диссертационного исследования «Историческая традиция в народном искусстве коми-пермяков». Л. С. Грибова представила лишь некоторые результаты своих полевых разысканий в докладе «Культ древних у коми-пермяков» на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук в Москве. Однако большая часть обширнейших фольклорно-этнографических материалов по традиционной и современной культуре коми-пермяков, зафиксированных молодым исследователем, не вошли в последующие академические статьи и монографии известного советского этнографа Л. С. Грибовой и до настоящего времени остаются не опубликованными в полной мере. Эти сведения представляют несомненный интерес для обсуждения проблематики, связанной с изучением динамики традиционной культуры коми-пермяков в советский период и настоящее время.

Ключевые слова:

коми-пермяки, традиционная и современная культура, Коми-пермяцкий национальный округ

Этнограф Любовь Степановна Грибова (15.08.1933–12.10.1986) родилась в с. Большая Коча Кочевского района Пермской области в коми-пермяцкой семье, окончила школу в родном селе, затем Кудымкарский учительский институт, в 1956 г. поступила в Московский государственный университет, где специализировалась по кафедре этнографии (ее возглавлял видный советский этнограф д.и.н., проф. С. А. Токарев; Л. С. Грибова считала себя его ученицей), участвовала в экспедициях, дипломную работу подготовила по истории материальной культуры

Field materials of ethnographer L. S. Gribova on the historical tradition in the everyday life and spiritual culture of the Komi-Permians (1964)

Sharapov V. E., Zherebtsov I. L.

Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,
Syktyvkar
sharapov.valery@gmail.com
zherebtsov@mail.illhkomisc.ru

Abstract

The paper presents previously unpublished field materials collected by ethnographer L. S. Gribova during a four-month expedition among the Komi-Permians in the spring and summer of 1964. From 1961 to 1968, L. S. Gribova studied in correspondence graduate school at the Komi Branch of the USSR Academy of Sciences, specializing in «Ethnography of the Peoples of the USSR». She worked on her dissertation «Historical Tradition in the Folk Art of the Komi-Permians» under the supervision of Dr. Sci. (History) S. A. Tokarev. In August 1964 L. S. Gribova presented some results of her fieldwork in the paper «The Cult of the Ancients among the Komi-Permians» at the 7th International Congress of Anthropological and Ethnographic Sciences in Moscow. However, much of the extensive folklore and ethnographic field material on the traditional and contemporary culture of the Komi-Permians, recorded by the young researcher, was not included in subsequent academic papers and monographs of the renowned Soviet ethnographer L. S. Gribova and remains unpublished in full to this day. This information is of undoubted interest for discussion of issues related to the study of the dynamics of the traditional culture of the Komi-Permians during the Soviet period and the present.

Keywords:

Komi-Permians, traditional and contemporary culture, Komi-Permian National Okrug

коми-пермяков («Культ древних» у коми-пермяков и его исторические корни») [1–11].

В 1961 г. Л. С. Грибова окончила Московский государственный университет и была распределена на работу в Сыктывкар, в Коми филиал АН СССР. С 1 августа 1961 г. она работала младшим научным сотрудником отдела этнографии и археологии, первоначально под руководством ведущего коми этнографа Л. Н. Жеребцова собирала материалы об изменении культурно-бытового уклада населения Коми АССР в годы Советской власти, но по

прошествии полутора лет сочла необходимым изменить тематику исследований, вернувшись к своим первоначальным, еще студенческим научным интересам. В январе 1963 г. Л. С. Грибова обратилась к руководителю коми филиала АН СССР П. П. Вавилову с просьбой перевести ее с коми-зырянской на коми-пермяцкую тематику (этногенез коми-пермяков, духовная культура или этнические связи коми-пермяков и коми-зырян), мотивировав это тем, что по коми-зырянской тематике уже работают Л. Н. Жеребцов, Я. Н. Безносиков и П. А. Куратов [1, 5, 12, 13]. Тогда же к П. П. Вавилову обратилась коми-пермяцкий лингвист к.филол.н. Р. М. Боталова (выпускница Коми пединститута, будущий доктор филологических наук, с 1963 г. долгое время работавшая в Институте языкознания АН СССР под руководством ведущего коми лингвиста В. И. Лыткина [14]), также просившая дать Л. С. Грибовой возможность заниматься этнографией коми-пермяков [1, 5].

Прошения были удовлетворены, и в том же году Л. С. Грибова поехала в экспедицию в Коми-Пермяцкий национальный округ, где в течение двух месяцев собирала материалы об исторической традиции в современном быту и духовной культуре коми-пермяков, а в октябре 1963 г. поступила в заочную аспирантуру Коми филиала АН СССР по специальности «Этнография народов СССР». В июне 1964 г. ее научным руководителем был утвержден д.и.н., проф. С. А. Токарев, который привлек молодого исследователя к участию в VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук (3–10 августа 1964 г.), ставшему значимым событием в развитии отечественной этнографической науки [15]. В материалах конгресса появилась первая небольшая публикация Л. С. Грибовой, подготовленная, очевидно, на основе ее дипломного сочинения [16].

В 1964–1968 гг. Л. С. Грибова провела еще три экспедиции к коми-пермякам, во время которых собрала обширный и разнообразный полевой материал, освещавший состояние народного прикладного искусства и бытовые традиции коми-пермяков, представляющий несомненный научный интерес [5, 10, 12, 13]. В 1965–1968 гг. исследователь опубликовала четыре научные работы [17–20], одна из которых («Чудь по коми-пермяцким преданиям и верованиям») была подготовлена еще в 1962 г., а также изданную в Кудымкаре научно-популярную публикацию о художнике П. И. Субботине-Пермяке. На базе экспедиционных материалов Л. С. Грибова подготовила и в 1969 г. защитила кандидатскую диссертацию «Историческая традиция в народном искусстве коми-пермяков» [21]. Собранные ею сведения вошли в монографии «Пермский звериный стиль: Проблемы семантики» [22] и «Декоративно-прикладное искусство народов коми» [23], изданный уже после ее смерти альбом «Народное искусство коми» [24], но значительная часть материалов осталась неопубликованной – в частности, ряд экспедиционных отчетов, хранящихся в Научном архиве ФИЦ Коми НЦ УрО РАН [16].

Среди них – отчет об экспедиции 1964 г. в Сысольский район Коми АССР и Коми-Пермяцкий национальный округ. В том году в отделе этнографии и археологии Коми филиала АН СССР был создан этнографический отряд, который

возглавил Л. Н. Жеребцов. В составе отряда были также Л. С. Грибова, П. А. Куратов, Е. А. Бирюкова, И. М. Паршуков и А. В. Мошев [25–27]. Целью работы Л. С. Грибовой был сбор материалов по исторической традиции в общественном и семейном быту, а также в духовной культуре коми-пермяков [25, л. 3; 26]. Планировались полевые исследования северных районов Коми-Пермяцкого национального округа, а также выезд в Красновишерский район Пермской области для изучения группы язывинских пермяков. Л. С. Грибова пробыла в экспедиции четыре месяца. На севере Коми-Пермяцкого национального округа были изучены Гайнский и Косинский районы; кроме того, состоялись кратковременные выезды в некоторые сёла Кудымкарского и Кочевского районов (центральная часть округа). Поездка к язывинским пермякам не состоялась из-за нехватки времени. Собранный материал включал личные наблюдения Л. С. Грибовой, сообщения информаторов из числа местных жителей, а также иллюстративный материал (фотографии и зарисовки художников А. В. Мошева и И. М. Паршукова) [25].

Общие результаты полевой работы этнографического отряда вошли в «Научный отчет об итогах этнографической экспедиции 1964 г. в Сысольский район Коми АССР и в Коми-Пермяцкий национальный округ». Материал, собранный Л. С. Грибовой, вошел в III раздел отчета и приложения [25, л. 46–87]. Ниже помещен фрагмент этого раздела, посвященный свадебному и похоронно-поминальному обрядам, детским играм, традиционной медицине, музыкальным инструментам. Публикаторами внесена минимальная редакторская правка.

* * *

Свадебная обрядность

<...> В наше время изредка еще встречается свадьба по старому обычаю, однако сохраняются элементы обряда, но содержание его приняло совершенно иной, новый характер. Так, формальный договор между родителями жениха и невесты сохраняется, однако фактически это – договор двух молодых людей, с которым поневоле должны считаться родители. Девичник также сохранился, однако в этот день невеста и не думает оплакивать свою судьбу, она просто в этот день готовится с помощью подруг к радостному дню свадьбы. Во время самой свадьбы, которая, как и в прошлом, еще сохранила «стол» и «пир», происходит гулянье и всеобщее веселье с песнями (старинными и современными), музыкой и т. д. Ушли в прошлое религиозные моменты в свадьбе. Регистрация производится в загсе или в сельском совете, забыты суеверные приметы, предостережения от колдовства во время свадьбы и т. д. Одним словом, в свадьбе наблюдается синкретизм старых и современных элементов, причем из старины сохраняется внешняя обрядовая сторона.

В последние годы нередко стали проводиться комсомольско-молодежные свадьбы. Примером такой свадьбы может служить одна свадьба, которую удалось увидеть в с. Коса. Женились тракторист д. Чадзова Николай Федорович Мартынов и учительница Раиса Васильевна Бузова. Ему – 23 года, ей – 22. Года два до этого, пока Ни-

колай был в армии, молодые вели дружескую переписку. Постепенно дружба переросла в любовь. Во время кратковременной побывки солдата молодые были обручены, сохранили верность и чистоту своих отношений до свадьбы. Их свадьба, которую справляли после уборки, в сентябре, вылилась не только в праздник их деревни, но даже в районный праздник.

Свадьбу справляли в с. Коса, хотя молодые оба проживали в д. Чадзова (за 30 километров). На гулянье, кроме родственников, были приглашены комсомольско-молодежные активисты из ряда других пунктов (Раиса и Николай – большие общественники районного масштаба, поэтому их знают и уважают во многих пунктах). Кто не смог приехать, поздравили молодых в приветственных телеграммах. Для праздничной церемонии был отведен большой зал Косинского дома культуры. Сцену и зал убрали ветками березы, рябины, ковровыми дорожками, цветами. Председатель женсовета Н. И. Филимонова открывает торжественный акт бракосочетания словами:

Мы строим коммунизм.

Что в мире краше, чем этот труд?

Где доблести предел?

Предела нет!

А кто сказал, что наша любовь

Должна быть мельче наших дел?

Затем заведующая бюро ЗАГС З. С. Шлякова познакомила молодых с советскими законами о браке. Именем РСФСР скрепляется гражданский брак. После этого к жениху и невесте подносят на красной бархатной подушечке кольца, и они обмениваются ими. Предлагается тост за здоровье молодой четы. Затем преподносятся подарки молодоженам, все гости поздравляют молодых, слышится традиционное горько. В заключение молодежь поет песню: Будет людям счастье. Свадебная процессия направляется к красочно украшенной машине. Молодые и сопровождающие уезжают в д. Чадзова, чтоб продолжить празднество по случаю большого события в жизни молодых людей. Праздник длится несколько дней.

Так выглядит современная молодежная свадьба. Это – один из многих новых современных обрядов, которые входят в жизнь коми-пермяков [25, л. 54–56].

Традиционные детские игры

Как и в прошлой экспедиции, мы в этом сезоне уделили внимание традиционным формам воспитания детей. В частности, удалось записать ряд игр. Приводим одну из них, наиболее распространенную в Гайнском районе.

Штандр. Группа детей выделяет двух вожakov – «матки». Все встают попарно в два ряда. Одиночки не играют. Всем парам дают кличку: мак – дерево, цвет – револьвер и т. д. Первый из первого ряда говорит маткам: «Матки, матки, чей вопрос, кому в рыло, кому в нос». Первая матка отвечает: «Мой вопрос», – и выкрикивает одно из названий: «Мак!» – играющий под таким названием идет к нему (условные тайные знаки или сигналы не допускаются). Сколько пар, столько и вопросов. Если остался один, и у него нет пары, одна из маток говорит: «Пусто на густо». Тот берет какой-нибудь маленький предмет, зажимает

в которой-нибудь руке и спрашивает у матки: «Где густо? Где пусто?» – Матка показывает. Если отгадал – человек идет в его команду, если не отгадал – в другую. Так образовались две группы. Теперь начинается совместная игра. Первая матка бросает мяч вверх и выкрикивает кличку, например, «Мак!» – сам и все окружающие разбегаются в разные стороны. А тот, чье имя было выкрикнуто, должен поймать мяч и крикнуть: «Штандр!» – Все останавливаются на тех местах и в таком положении, в каком застал их окрик. Тогда этот галевой («шарин») кидает мячом в кого-нибудь.

Если галевой не смог поймать мяч, брошенный вверх маткой, он берёт его уже с земли, но на это уходит время, и играющие могут убежать далеко. Он может поднять мяч и кричать «штандр» или выкрикнуть какую-либо другую кличку, например, «Дерево», тогда уже «дерево» должен поймать мяч и кричать «штандр». Тот, в кого попал мяч, выбывает из игры. Если галевой не попал в цель, у него появляется «рука» («ки»). Он снова берет мяч и кричит «штандр». Если у него наберется три «руки», он выбывает из игры. В которой команде больше «рук», та проигрывает. Кто играет лучше всех, тот остается до конца и становится «старшим» («палачом», «прокурором»). С расстояния в 10 шагов он кидает мяч каждому игроку в спину по три раза. При этом «подсудимому» нельзя сходить с места, изворачиваться и т. д. На этом игра кончается [там же, л. 56–57].

Традиционные музыкальные инструменты

<...> В Гайнском и Косинском районах, как и в других районах, в прошлом широко были распространены самобытные музыкальные инструменты *пöлян-ы* и *пиксан-ы*. Но здесь мы видим и новые разновидности их. На Ильин день шли специально за тростником (*туру-гум*) в лес. Это – высокое ветвистое растение с полым стеблем, растет в чаще, высотой до двух метров. Местами называют его «пöлян» (дудка). Из этого растения делали своеобразную флейту под названием пиксан или чипсан. Это полая трубка длиной 40–50 см. При игре дуют в трубку с верхнего конца, прикрывая и открывая полностью или частично нижний конец трубки, и таким образом получая мелодию.

В Косинском районе помнят *пöлян-ы* до 1,5 метров длиной. Это большие и тяжелые трубы из того же тростника, обмотанные берестой, издающие громкий низкий звук. Эти *пöлян-ы* у коми-пермяков пока были неизвестны, и косинцы, по-видимому, сохранили очень древний музыкальный инструмент, аналогичный марийским девичьим трубам. Трубами и дудками играли в прошлом на игрищах. В настоящее время игра в дудки еще сохранилась, играют изредка на досуге дома или по пути с поля.

Другим видом духовых инструментов являются различного рода самодельные свирели и свистульки (детские и охотничьи – для приманки птиц), которые делаются из весенних прутьев черемухи, ивы или из гусиных перьев. Конструкция всех их сводится, в основном, к следующему: полая трубка с закрытым концом имеет отверстие сбоку и небольшую щель в верхнем конце, в которую дуют. В зависимости от величины щели изменялся звук. Данные

инструменты широко распространены и бытуют почти повсеместно и в настоящее время.

Барабан. Так называют дощечку с двумя палками, которые имеют пастухи. Они ударяют ритмично то одной, то другой палкой вместе или врозь, получая четкую дробь. Под эти звуки привыкший к ним скот собирается к пастуху. Другим, очевидно, более старинным видом барабана, или, скорее, деревянной трещотки был выдолбленный кусок бревна с палкой внутри. Такой барабан еще недавно был в д. Селище, но найти его уже не удалось. Пастухи же применяли и трубы (*пöлян*). Рассказывают, что в прошлом в д. Селище пастух никогда не ходил на пастбище – вечером поднимался на гору и начинал трубить. Весь скот собирался в деревню [там же, л. 72–73].

Представления о «мыжа» и народная медицина

Так же, как и иньвенские коми-пермяки, косинские до сих пор имеют ряд предрассудков, веру в кару со стороны духов мертвых (*мыжа*) и других сверхъестественных сил (святых, бога, некоторых животных и т. д.). Существует боязнь порчи взглядом, словом, прикосновением и напусканьем какого-либо недуга. Поэтому до сих пор в наиболее удаленных от районных центров местах, а в особенности в деревнях, где отсутствуют медпункты, еще сохраняются знахарки и колдуньи, которые лечат самобытными способами, травами или даже магическими действиями. Так, если ребенок сильно плачет, лицо его брызгают водой, которую вначале ковшем выносят на улицу, затем заносят обратно, кидают в нее угольки и, наконец, используют. Остатки выливают на порог, под дверь. Опухоль, крупные фурункулы и др. «чертят» угольками или ножом, веря, что после этой процедуры боль должна утихнуть и опухоль – исчезнуть.

Ранение лечат экстрактом из вина и порошка белемнита (чертов палец – *куль чунь*). Порошок белемнита так же применяется как присыпка. При простуде ставят банки (даже консервные пол-литровые). В д. Сизова Кочевского района был случай, когда эти банки удалось снять, разбив их топором. Боли внутри живота обычно утоляют с помощью массажа с мылом.

Особенно развита народная медицина в Косинском районе. Почти в каждой деревне есть женщина, которая собирает травы, высушивает их, затем применяет для лечебных настоек. Интересно, что травы собирают чаще в период раннего цветения (не раньше и не позже), подвешивают свободной сушке на воздухе, в тени. К сожалению, местные жители не знают научных названий трав, а собрать их тоже не удалось.

1) Трава «*запарная*» – это высокая (до 40 см) трава, на которой по одному цветку на стебле. Растет на сухих возвышенных полянах. Высушив вышеописанным способом, траву заваривают в кипятке и настаивают, затем пьют по 100 г три раза в день. Она излечивает от болезни сердце, от поноса. В больших дозах опасна – при беременности может получиться выкидыш.

2) *Шмака турун* – можно курить и пить настойку. Маленьких детей просто окуривают. Эта трава действует успокаивающе, усыпляюще. Употребляют при эпилептических заболеваниях.

3) *Ной-турун*. Растет высотой до 25 см, с мохнатыми листьями, с желтоватыми цветами. Применяется при нарывах.

4) *Му-калина*. Ползучее растение с ягодами, похожими на ягоды можжевельника, более приятными на вкус. Ягоды и кусты заваривают и пьют от эпилепсии.

5) *Жо-ягод* – ягоды калины. Делают настой ягод с сахарным песком (1:1), принимают при болезни печени и желудка.

6) *Змей-турун*. Растет в озерах. Употребляют при нарывах.

7) *Желля-турун*, или *ерш-турун*. Растет в озерах – от женских заболеваний, от кровотечений.

8) *Чочком лапка*. Растет на сухих высоких местах – от болей.

9) *Тягун-турун* – от грыжи и выпадения матки.

10) *Цвет черемухи* – для выкидыша.

11) *Путш-кулан (мята)* – от желудочных заболеваний.

12) *Пихтовая хвоя пареная* – от ревматизма и паралича. Делается теплая ванна с пихтовой хвоей.

13) *Корни шиповника* – от всяких болезней. Поят заваркой и парят в ванне с корнями шиповника от простудных и ревматических заболеваний.

14) *Пареными муравьями* мажут при костных заболеваниях.

Лечили также и скот: травами, массажем. Кроме этих, возможно, действительно целебных трав, якобы имеются травы, предохраняющие от различных социальных бедствий и т. д. Так, трава «царий волос» якобы спасает от суда и армии. Есть якобы даже травы, владельцам которых не только постоянно сопутствует удача, но они даже могут получить желаемое (напр., родить двойников и т. д.). В народе даже существует поговорка: «Только три травы бесполезны».

Лечебными считаются также некоторые виды камней. Вот что сообщает нам о них краевед-любитель д. Гайнцова Кочевского района С. И. Исаев.

Чариз (от слова *чаротом*). Остаток якобы брошенного с неба молнией при громе. Камень ярко-прозрачного цвета, 2–3 см окружности. Несколько продолговат (овал). Якобы имеет сверхъестественные лечебные свойства. Им чертят опухшие места, так называемые *шой-лы*, в виде больших бородавок, зоб и др., лишай (экзеляр и др.). Чертят только с наговорами, sprыскивая водой с углями.

Куль-чунь. Зеленого цвета, нетвердый, легко скабливается ножом, получается белый порошок. Лечат задержку мочи, а подчас для гона мочи. Поят при болях в животе, тоже – с наговорами.

Камень от сорока болезней – камень дырчатый с тремя-четырьмя дырочками, якобы проеденный червями. Сверху шероховатый желто-коричневый. Лечат: пропускают через отверстия воду с наговорами и поят от задержания мочи у людей и скота, от задержки молока у коров, поят и моют вымя.

Более опытные знахари готовят настой из трав. Камни выманить у них трудно, да и узнать тоже [там же, л. 73–77].

Похоронно-поминальные обряды

У северных коми-пермяков еще прочно держатся старинные похоронно-поминальные обряды. Несмотря на то, что основная масса населения, за исключением религиозных старух, несомненно, не верит в загробную жизнь и понимает бессмыслие многих отживших обычаев и ритуала, связанных с похоронами и поминками умерших, все-таки они продолжают бытовать, почти не изменяясь. Это – «святая» традиция. Соблюдение ее обусловлено негласными правилами общежития, определенными нормами поведения, и разрушитель ее обычно рискует быть осужденным родными и знакомыми, ослыть грубияном и невежественным человеком. Память о покойном, независимо от того, хороший это был человек или плохой, должна быть всегда только светлая, и обычно даже о врагах после их смерти редко кто решится вспомнить какие-либо отрицательные стороны их жизни. И это – также не из боязни перед умершим или его духом и не потому, что это грех (это уже забыто), сколько по традиции, потому, что так принято, потому, что так делалось сотни лет.

Чтобы дать ясное представление о похоронах, можно подробно описать действительный процесс похорон, который члены нашей экспедиции наблюдали воочию.

Это было в д. Конопля Мысовского с/с Гайнского района. Мы еще накануне слышали, что умер старик лет 60. Утром, когда услышали плач и пение, пошли в дом покойного. Вся изба была наполнена народом, народ был на крыльце, в сенях и даже на улице; здесь были и старые, и молодые, даже дети. Одни пришли проститься с родным, другие – просто посмотреть. Покойник (старик лет за 60) лежал на передней лавке головой к иконам. Под ним было какое-то рваное тряпье, укрыт белым полотенцем во всю длину тела. Над покойником висело новое белое полотенце (покупное). Стол на этот раз стоял длинной стороной к боковой лавке, у стола стоял спиной к людям и лицом к покойнику и иконам местный «поп» (вернее, местный старожил, исполняющий за неимением попа его роль в «нужные» для деревни моменты). Он что-то невнятно, через нос, бормотал, смотря в книгу, а группа женщин, стоявшая поодаль у забора, повторяли вслед за ним «Господи, помилуй», а затем пели «Святой боже, святой, крепкий, святой бессмертный, помилуй нас». Так повторялось несколько раз.

Затем «поп» отошел, на стол постелили скатерть, поставили буханку хлеба, соль и брагу в туесе. Группа женщин снова запела и бесконечно повторяла «Святой боже...», ничего не прибавляя к вышеописанным словам. В это время одна женщина, кажется, самая старая, зажгла «ладан» в специальном ковшике и стала окуривать больного. Близкие покойного, две его дочери, громко рыдали, несколько не стесняясь присутствующих, и, несомненно, к естественной скорби прибавилась и общепринятая в коми-пермяцком крае «обязанность» близких оплакивать покойного нарочито-громко с причитаниями.

Мужчинам было велено внести гроб. Гроб поставили на поленья посередине комнаты, изголовьем к передней лавке. Затем занесли веники и сухую листву от них растелили в гроб. Сверху набросили старую чистую тряпку

(кажется, от юбки), наконец, постелили длинное белое полотнище. Оно оказалось много длиннее гроба, одна женщина хотела оборвать торчавший почти на метр конец полотнища, но ей не разрешили, скомкали конец в изголовье. Затем уложили в гроб покойного, не открывая его. Кажется, он одет в темную поношенную, но чистую одежду. На ногах поношенные туфли, очевидно, те, которые он носил при жизни. На голове белый капот, сверху – старая кепка. По обычаю, всех верующих христиан здесь хоронят только в белой одежде, но умерший, оказывается, не был верующим и потому перед смертью наказал схоронить его в обычной одежде.

Зажгли три свечи, поставили их на край гроба слева, справа и над головой покойного. Затем началось прощание близких с умершим. Обе дочери долго плакали, причитая, над умершим, под аккомпанемент хора, который пел «Святой боже...». Затем стали прощаться все: каждый подходил к гробу с ног покойного обходил его по часовой стрелке, трижды преклонив колени и склоняя голову к сложенным на край гроба рукам. Причем в руках у каждого обязательно был платок, край фартука или кепка (очевидно, прикасаться к гробу голыми руками по обычаю не положено). Простились, только старшие из присутствующих и близкие родственники. Остальные до конца остались наблюдателями. Дети не прощались.

Затем вынесли гроб с покойником – ногами вперед – на улицу и поставили его на сани, хотя было лето, и стояла сухая погода. Ямщик, молодой еще человек, сел на лошадь, и процессия потянулась к кладбищу. Пошли не все, однако многие, в том числе молодежь и дети, вместе с родственниками умершего и приглашенными пошли следом за гробом. Прибыв на кладбище, процессия остановилась у вскопанной заранее ямы. Глубина ямы поразила нас – более двух метров. В стенках ямы приблизительно на высоте одного метра вырыто по три проема. Вначале в яму спустили пожилую женщину, очевидно, родственницу покойного. Ударом заступа о землю она сделала три креста на дне ямы и окурила яму ладаном (выгнала чертей). Затем ее подняли из ямы. Мужчины уложили три толстых перекладины. На эти перекладины над могильной ямой поставили гроб, головой покойника на северо-запад, посыпали покойного поверх покрывала горстями земли, затем закрыли гроб крышкой, не прибивая ее. Началось снова прощание. Обходя по часовой стрелке гроб, прощающиеся трижды склоняли головы к крышке гроба, шепча что-то, очевидно: «Прости». В это время родственница умершего, пожилая женщина начала раздавать «дары»: хлеб, муку, шерсть, куски ткани. Дары получили в основном те, кто принял участие в обмывании покойника, в отпевании его, кто сколотил гроб, выкопал яму и т. д. Вещи раздавались не через гроб, а около него.

Затем под гробом провели три длинных полотнища, и с двух сторон могильной ямы взялись за их концы и приподняли гроб. Другие вытащили из-под гроба брусья. Гроб осторожно начали опускать в яму. В это время хор снова запел, подошли два охотника с ружьями и дважды выстрелили в небо. Гроб опустили на дно ямы, вытащили полотнища, и они опять пошли в дар. На гроб бросили несколько

комьев земли. Затем в яму спустился мужчина, ему подавали брусья, он вложил их в вырытые в стенки ямы проемы, затем на них положил в ряд доски. Затем он поднялся из ямы. Могила начали засыпать. Сначала сбрасывали землю лопатами и руками девочки-подростки. Затем за лопаты взялись взрослые, и яма быстро заполнилась землей. На этом церемония похорон завершилась. Люди начали расходиться по домам. Многие пошли к могилам своих умерших родственников, чтобы помолиться. Приглашенные ушли на поминальный ужин. Мы не были приглашены, поэтому сочли неудобным навязать свое присутствие людям, которые так были заняты своим горем.

Таков обряд погребения у северных коми-пермяков. По существу, он мало чем отличается от похорон в других коми-пермяцких районах. Однако небольшие изменения наблюдаются повсеместно. Так, например, обычно прощаются все присутствующие, а не часть их, причем многие просто обходят гроб, не касаясь его и не преклоняя колен. Далеко не всегда производится отпевание, а тем более – в сопровождении чтения молитв. Таких «попов», какой есть в д. Мысы, в округе – единицы, также нет молитвенных книг, да и очень немногие из стариков помнят молитвы до сих пор. Но формальное моление, плач с причетами еще повсеместно распространены. Хотя ритуал остается прежний (обязательно пока трехдневное или хотя бы двухдневное оставление умершего дома, обязательны обеды, угощения в память умершего, раздача некоторых вещей умершего посторонним), однако он все более теряет, а зачастую уже потерял свою религиозную сущность, превращаясь в обычную гражданскую панихиду, во время которой близкие и родные отдают последние почести умершему, выражают свою скорбь и соболезнование по поводу кончины, вспоминают его заслуги перед обществом и т. д.

Вместо христианского креста или еще более древних языческих надгробных знаков нередко ставят памятник со звездой, независимо от того, коммунист умерший или нет. Лет 20 назад памятник со звездой ставился только на могиле коммуниста. Памятник сооружается обычно из деревянных досок и окрашивается в красный цвет. К нему нередко прибавляют небольшую рамку со стеклом с карточкой умершего. Новым в похоронном обряде является и то, что зачастую гроб обивают красным материалом, делают венки из веток и цветов. Покойника в последний путь провожают с музыкой (духовой оркестр или обыкновенная гармонь), везут на кузове грузовой машины.

Поминальный обряд также в значительной мере сохранил традиционную форму. Покойника поминают, устраивая жертвенную тризну и небольшие дары в церковь или просто знакомым («жертва умершему») в день похорон (обычно – это на третий день после смерти), затем на девятый день, на двадцатый и на сороковой (шесть недель), а также ежегодно в день смерти и в общепоминальный Четверг – Семик.

В разных слоях населения поминки справляются по-разному. Крестьяне-колхозники, в особенности пожилые, справляют поминки «по старинке», т. е. с молитвами, свечами, с обильным угощением и дарами «бедным». Мужчины, как и женщины, принимают участие в поминках,

однако скорее с целью выпивки, чем с действительным желанием «помянуть» умерших. Нередко поминки умерших, особенно в общепоминальные дни (Семик и Радуница), когда население ходит на кладбища, превращаются в большой праздник. На кладбище идут с гармошками, с вином, пивом, брагой и с обильной закуской. После редкого причитания (*дeр'ялoм*) на одной-двух могилах (какой-нибудь одинокой вдовы или матери), редкого моления (*юрбитoм*) и окуривания (*кадиччoм*), начинается всеобщая тризна с обильной выпивкой. Дело нередко кончается песнями, плясками и даже дракой. Празднество продолжается и дома, весь день и вечер. Однако интеллигенция, в особенности коммунисты, поминки отрицают и не справляют, хотя надо признать, что скорее это так рекламируется, чем делается на самом деле. Это и естественно: в современных поминках отражается не столько вера в загробную жизнь и преклонение перед силой духов умерших (это почти никто уже не сознает), сколько моральная потребность каждого принести благодарность, дань, вспомнить своих близких, родных, сыгравших, возможно, огромную роль в твоей жизни, в жизни данного коллектива и т. д. Плохо не то, что поминки продолжают существовать, а то, что они превращаются иногда в обыкновенную пьянку и разгул, что, казалось бы, никак не соответствует сущности ритуального торжества [25, л. 77–83].

Культ «древних»

У коми-пермяков, небольшой группы их в Кочевском и Косинском районах, сохраняются пережитки более древнего языческого культа – поминки «древнего», чудского народа. <...> Кратко хочется дать описание самих поминок, непосредственно увиденных нами в местечке Важ Чадзoв летом 1964 г. во время экспедиции. 19 июня, в субботу перед христианским праздником Троицей, я решила попасть на поминки «древних», о существовании которых знала с детства, но давно не наблюдала. Я ожидала, что в урочище Важ Чадзoв соберется человек 10–15 больных старух, которые придут просить древних снять с них кару. До поляны меня проводила библиотекарь Чадзoвской сельской библиотеки, дальше она со мной не пошла: «Неудобно, люди скажут, что сами активисты ходят на поминки».

Я приблизилась к месту поминок. Каково же было мое удивление, когда я увидела массу людей в ярких праздничных одеждах, группами сидящих почти по всей опушке леса около священного столба, в основном, к западу от него. Здесь было не меньше 200 человек. Были женщины, старые и молодые, даже молоденькие девушки, дети, старики и несколько молодых мужчин. Трапеза была в полном разгаре. Почти все сидели группами и в одиночку, разложив перед собой домашнюю стряпню, открыв туесы с пивом, брагой и т. д.

Увидев меня – незнакомого человека с фотоаппаратом (я уже фотографировала их издали, боясь, что они уйдут) – люди начали быстро собираться, многие тут же встали и двинулись к лесу. Масса заволновалась, однако многие остались на месте, а некоторые, вновь прибывающие, вели себя непринужденно, начинали молиться, вста-

вая даже на колени и кланяясь до земли перед столбом. После моления они садились, стелили на землю, прине-сенную с собой скатерть или полотенце, раскладывали шаньги, пироги, яйца и т. д., приступали к еде. Ели сами и угощали других, предлагали угоститься каждому, кто находился поблизости.

Я подошла совсем близко, сначала ко мне отнеслись недоверчиво, некоторые посматривали зло или недруже-любно. Начали уговаривать «не снимать их для газеты». Я сказала им, что попала к ним случайно, увидев толпу, решила, что народ справляет какой-то праздник. А фото-аппарат у меня личный, и, если кто желает, я могу сфо-тографировать. Желающих оказалось очень много, и мне пришлось долго ходить и щелкать по группам. Все пред-лагали мне угоститься. Многие силой заставляли поесть или выпить именно их пиво. Я знала, что отказ от угоще-ния оскорбляет людей, поэтому и поела, и попила.

Многие из поминающих уже ушли. Все уходило в сто-рону леса, но я знала, что они уходят не домой, а к реке, и поэтому пошла вместе с ними. Люди уже помылись в реке, только немногие женщины и дети еще стояли по колени в воде, но и те, увидев меня, быстро поднимались на берег. Здесь на зеленой лужайке началось веселое гулянье. Женщины, взявшись за руки организовали хоро-вод. Начались песни, пляски. Нашлась и гармоника. Одни просто гуляли по берегу, другие сидели, разговаривали, смеялись. Снова угощали друг друга. Так как у некоторых с собой были вино и водка, многие опьянели, народ стал веселый и несколько развязный.

Ко мне подходили сами, просили «заснять» их, расска-зывали, для чего они ходят сюда. Важ Чадзёв, по их мне-нию, – самое страшное место, оно «карает» людей, прино-сит им болезни костей, глаз, головы и т. д. Рассказали ряд случаев, когда никакие врачи якобы не смогли вылечить их, а вот молитва и поминки «древних» излечили от недуга. Постепенно народ начал расходиться, и к трем часам дня я была уже в селе – пришла вместе с поминающими, многие из которых убедительно просили меня зайти к ним: ведь сегодня у них праздник, и есть чем угостить.

Так прошли поминки «древних» летом прошлого года. Таким образом, они сегодня еще существуют. Две фото-пленки, заснятые во время поминок, зафиксировали пе-режиток, уходящий в далекую древность, в период, когда люди боялись мести своих умерших сородичей, веря в за-гробную жизнь и зависимость живых от мертвых.

Правда, этот пережиток сохранил от культа предков только единственную религиозную черту: веру в сверхъ-естественную порчу и исцеление, сами же поминки, весь обряд превратился в обычную праздничную прогулку и массовое гуляние. Именно последнее, пожалуй, невоз-можно ликвидировать. Особенно молодежь и дети идут сюда не «отмаливать» грехи, вину перед древними «роди-телями», а просто ради любопытства, ради вкусной пищи и ради веселого гулянья. Среди «поминающих» я заметила несколько интеллигентных молодых пар (очевидно, сту-дентов), которые уединились в различных укромных ме-стах у реки. Наверняка, эти пары пришли сюда не молить-ся и не «лечиться».

Мне думается, навряд ли надо ликвидировать это гулянье вообще. Пусть оно останется традиционным местным праздником, только надо в него влить новое со-держание. Пусть во время этого праздника вспомнят не только своих «чудских» предков – основателей деревень этого края, но и погибших за родину героев, героев, по-строивших колхозы, организаторов советской власти, школ, клубов – людей, которые отдали свою жизнь наро-ду. Можно было бы организовать здесь же, на поляне, не-большой концерт. И все это можно организовать в субботу же после работы, а не с утра, тем более что следующее за ней воскресенье – тоже праздник, бывшая Троица, пре-вращенная здесь, в Косинском районе, в День Березки, в веселый праздник весны и цветов, в праздник с массо-вым гуляньем, концертами, песнями и плясками с коллек-тивным угощением. Даже их можно было бы слить в один праздник весны, если перенести место празднества из села в это традиционное для народа Важ Чадзёв. Только в том случае, если новое в празднестве будет интересным, содержательным, старый обряд поминовения «древних родителей» отомрет окончательно [там же, л. 83–87].

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Источники

1. Личное дело Л. С. Грибовой // Научный архив ФИЦ Коми НЦ УрО РАН (НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН). Ф. 1. Оп. 22. Д. 31.
2. Грибова Любовь Степановна // Ученые Института язы-ка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН / сост. И. Л. Жеребцов. – Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2000. – С. 50–51.
3. Шарапов, В. Э. Л. С. Грибова – исследователь народной культуры коми / В. Э. Шарапов // Арт. – 2003. – № 4. – С. 94–98, 148.
4. Жеребцов, И. Л. Грибова Любовь Степановна / И. Л. Же-ребцов // Ямал: энциклопедия Ямало-Ненецкого авто-номного округа. – Салехард, 2004. – Т. 1. – С. 247.
5. Жеребцов, И. Л. Любовь Степановна Грибова / И. Л. Же-ребцов, В. Э. Шарапов // Очерки по истории изучения этнографии коми. – Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2007. – С. 138–140.
6. Дерябин, В. С. Научные заслуги Л. С. Грибовой в разви-тии российской этноархеологии / В. С. Дерябин // Эт-нокультурное наследие пермских финнов. – Кудымкар, 2013. – С. 9–11.
7. Шарапов, В. Э. Л. С. Грибова – исследователь народно-го изобразительного искусства коми / В. Э. Шарапов // Этнокультурное наследие пермских финнов. – Кудым-кар, 2013. – С. 19–23.
8. Мальцева, Н. А. О жизни и деятельности известного финно-угорского этнографа Любви Степановны Гри-бовой / Н. А. Мальцева // Грибова Л. С. Пермский зве-риный стиль. – Кудымкар: Коми-пермский этнокуль-турный центр, 2014. – С. 162–167.
9. Мальцева, Н. А. Этнограф Любовь Степановна Грибова: страницы биографии / Н. А. Мальцева // Коми-пермца-

- кий этнографический сборник. – СПб.: Маматов, 2014. – С. 54–68.
10. Шарапов, В. Э. Вклад Л. С. Грибовой в изучение декоративно-прикладного искусства народов Коми / В. Э. Шарапов, И. Л. Жеребцов // Известия Коми НЦ УрО РАН. Серия «История и филология». – 2023. – № 1 (59). – С. 211–215.
  11. Черных, А. В. Из истории коми-пермяцкой этнографии: Любовь Степановна Грибова. К 90-летию со дня рождения / А. В. Черных, Д. И. Вайман // Вестник Пермского федерального исследовательского центра. – 2023. – № 2. – С. 61–67.
  12. Миронова, Н. П. Экспедиционная повседневность женщины-этнографа Коми филиала АН СССР в 1960-е гг. (по личным дневникам Л. С. Грибовой) / Н. П. Миронова, Н. Г. Лисевич, А. Г. Оседах // Природно-географические факторы в повседневной жизни населения России: история и современность (региональный аспект). – СПб.: ЛГУ, 2019. – С. 331–337.
  13. Бровина, А. А. Личный фонд исследователя народной культуры Л. С. Грибовой в Научном архиве Коми НЦ УрО РАН / А. А. Бровина, Н. Г. Лисевич // Финно-угроведение. – 2010. – № 1. – С. 87–93.
  14. Коньшин, А. Е. Творчество Р. М. Баталовой: социально-политическая значимость / А. Е. Коньшин // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. – 2022. – Т. 12, № 1. – С. 123–129.
  15. Алымов, С. С. VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук в Москве (1964) и трансформация советской этнографии в эпоху оттепели / С. С. Алымов // Сибирские исторические исследования. – 2023. – № 1. – С. 96–127.
  16. Грибова, Л. С. Культ «древних» у коми-пермяков / Л. С. Грибова // Материалы VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. – М.: Наука, 1964. – С. 7.
  17. Грибова, Л. С. Чудь по коми-пермяцким преданиям, верованиям / Л. С. Грибова // Всесоюзная конференция по финно-угроведению: тезисы докладов и сообщений. – Сыктывкар, 1965. – С. 137–140.
  18. Грибова, Л. С. Историческая традиция в современном прикладном искусстве коми-пермяков / Л. С. Грибова // Тезисы докладов и сообщений V Уральского археологического совещания. – Сыктывкар, 1967. – С. 83–86.
  19. Грибова, Л. С. Современное прикладное искусство коми-пермяков / Л. С. Грибова // Материалы Второй Коми республиканской молодежной научной конференции. – Сыктывкар, 1967. – С. 50–53.
  20. Грибова, Л. С. Традиционная резьба на сельских постройках коми-пермяков / Л. С. Грибова // Советская этнография. – 1968. – № 6. – С. 107–116.
  21. Грибова, Л. С. Историческая традиция в народном искусстве коми-пермяков: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Л. С. Грибова. – М.: МГУ, 1969. – 16 с.
  22. Грибова, Л. С. Пермский звериный стиль: Проблемы семантики / Л. С. Грибова. – М.: Наука, 1975 – 148 с.
  23. Грибова, Л. С. Декоративно-прикладное искусство народов коми / Л. С. Грибова. – М.: Наука, 1980. – 240 с.
  24. Грибова, Л. С. Народное искусство коми / Л. С. Грибова, Э. А. Савельева. – М., 1992. – 190 с.
  25. Жеребцов, Л. Н. Научный отчет об итогах этнографической экспедиции 1964 г. в Сысольский район Коми АССР и в Коми-Пермяцкий национальный округ / Л. Н. Жеребцов, П. А. Куратов, Л. С. Грибова // Научный архив ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 108. 195 л.
  26. Жеребцов, И. Л. Л. Н. Жеребцов – участник этнографических экспедиций 1950–1970-х годов (к столетию со дня рождения) / И. Л. Жеребцов // Известия Коми НЦ УрО РАН. Серия «Историческая демография». – 2025. – № 9 (85). – С. 100–114.
  27. Жеребцов, И. Л. П. А. Куратов. Поселки лесозаготовителей верхней и средней Сысолы по материалам этнографической экспедиции 1964 года / И. Л. Жеребцов, В. А. Саблин, И. Н. Тяпин // Известия Коми НЦ УрО РАН. Серия «Историческая демография». – 2025. – № 9 (85). – С. 142–151.

References

1. Lichnoe delo L. S. Gribovoy [Personal file of L. S. Gribova] // Scientific Archive of the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS. F. 1. Op. 22. D. 31.
2. Lyubov Stepanovna Gribova // Scientists of the Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch, RAS. – Syktyvkar: Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS, 2000. – P. 50–51.
3. Sharapov, V. E. L. S. Gribova – issledovatel' narodnoj kultury komi [L. S. Gribova – a researcher of the Komi people's culture] / V. E. Sharapov // Art. – 2003. – No 4. – P. 94–98, 148.
4. Zherebtsov, I. L. Lyubov Stepanovna Gribova / I. L. Zherebtsov // Yamal. Encyclopedia of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug. – Salekhard, 2004. – Vol. 1. – P. 247.
5. Zherebtsov, I. L. Lyubov Stepanovna Gribova / I. L. Zherebtsov, V. E. Sharapov // Essays on the historical studies of the Komi ethnography. – Syktyvkar: Inst. of Language, Liter. and History, Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS, 2007. – P. 138–140.
6. Deryabin, V. S. Nauchnye zaslugi L. S. Gribovoj v razvitii rossijskoj etnoarheologii [L. S. Gribova's scientific contributions to the development of Russian ethnoarchaeology] / V. S. Deryabin // Ethnocultural heritage of the Permian Finns. – Kudymkar, 2013. – P. 9–11.
7. Sharapov, V. E. L. S. Gribova – issledovatel' narodnogo izibrazitel'nogo iskusstva komi [L. S. Gribova – a researcher of the folk art of the Komi people] / V. E. Sharapov // Ethnocultural heritage of the Permian Finns. – Kudymkar, 2013. – P. 19–23.
8. Maltseva, N. A. O zhizni i deyatelnosti izvestnogo finno-ugorskogo etnografa Lyubovi Stepanovny Gribovoj [About the life and work of the renowned Finno-Ugric ethnographer Lyubov Stepanovna Gribova] / N. A. Maltseva // Gribova L. S. Permian animal style: problems of semantics. – Kudymkar: Komi-Permian Ethnocultural Center, 2014. – P. 162–167.

9. Maltseva, N. A. Etnograf Lyubov Stepanovna Gribova [Ethnographer Lyubov Stepanovna Gribova: pages of her biography] / N. A. Maltseva // Komi-Permian Ethnographic Collection. – Kudymkar: Mamatov, 2014. – P. 54–68.
10. Sharapov, V. E. Vklad L. S. Gribovoj v izuchenie dekorativno-prikladnogo iskusstva narodov Komi [Contribution of L. S. Gribova to the study of decorative and applied art of the Komi people] / V. E. Sharapov, I. L. Zherebtsov // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series «History and Philology». – 2023. – № 1 (59). – P. 211–215.
11. Chernykh, A. V. Iz istotii komi-permyackoj etnografii: Lyubov Stepanovna Gribova. K 90-letiyu so dnya rozhdeniya [From the history of Komi-Permian ethnography: Lyubov Stepanovna Gribova. To the 90th birth anniversary] / A. V. Chernykh, D. I. Vaiman // Bull. of Perm Federal Research Center. – 2023. – № 2. – P. 61–67.
12. Mironova, N. P. Ekspedicionnaya povsednevnost' zhenschiny-etnografa komi filial AN SSSR v 1960-e gg. (po lichnym dnevnikam L. S. Grobovoi) [The expeditionary daily life of a female ethnographer at the Komi Branch, USSR Academy of Sciences in the 1960s (based on the personal diaries of L. S. Gribova)] / N. P. Mironova, N. G. Lisevich, A. G. Osedakh // Natural and geographical factors in the everyday life of the Russian population: history and modernity (regional aspect). – St. Petersburg: Leningrad State Univ., 2019. – P. 331–337.
13. Brovina, A. A. Lichnyj fond issledovatelya narodnoj kultury L. S. Gribovoj v Nauchnom arhive Komi NC UrO RAN [Personal Fund of the researcher of folk culture L. S. Gribova in the Scientific Archive of the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS] / A. A. Brovina, N. G. Lisevich // Finno-Ugrian studies. – 2010. – No 1. – P. 87–93.
14. Konshin, A. E. Tvorchestvo R. M. Batalovoj: socialno-politicheskaya znachimost' [Creativity of R. M. Batalova: social and political significance] / A. E. Konshin // Historical and cultural heritage of the Ural-Volga Region peoples. – 2022. – Vol. 12, No 1. – P. 123–129.
15. Alymov, S. S. VII Mezhdunarodnyj kongress antropologicheskij i etnograficheskij nauk v Moskve (1964) i transformaciya sovetckoj etnografii v epohu ottepeli [The 7th International Congress of Anthropological and Ethnographic Sciences in Moscow (1964) and the transformation of Soviet Ethnography during the Thaw Era] / S. S. Alymov // Siberian historical research. – 2023. – No. 1. – P. 96–127.
16. Gribova, L. S. Kult «drevnikh» u komi-permyakov [The cult of the «ancients» among the Komi-Permians] / L. S. Gribova // Proc. of the 7th Intern. Congress of Anthropological and Ethnographic Sciences. – Moscow: Nauka, 1964. – P. 7.
17. Gribova, L. S. Chud' po komi-permyackim predaniyam i verovaniyam [Chud' according to Komi-Permian legends and beliefs / L. S. Gribova] // All-Union Conference on Finno-Ugric Studies: abstracts of papers and reports. – Syktyvkar, 1965. – P. 137–140.
18. Gribova, L. S. Istoricheskaya tradiciya v sovremennom prikladnom iskusstve komi-permyakov [Historical tradition in the contemporary applied art of the Komi-Permians] / L. S. Gribova // Abstracts of papers and presentations at the Vth Ural Archaeological Conference. – Syktyvkar, 1967. – P. 83–86.
19. Gribova, L. S. Sovremennoe prikladnoe iskusstvo komi-permyakov [Modern applied art of the Komi-Permians] / L. S. Gribova // Materials of the Second Komi Republican Youth Sci. Conference. – Syktyvkar, 1967. – P. 50–53.
20. Gribova, L. S. Tradicionnaya rezba na selskih postrojках komi-permyakov [Traditional carving on Komi-Permian rural buildings] / L. S. Gribova // Soviet ethnography. – 1968. – No. 6. – P. 107–116.
21. Gribova, L. S. Istoricheskaya tradiciya v narodnom iskusstve komi-permyakov [Historical tradition in the folk art of the Komi-Permians]: abstract of diss... Cand. Sci. (History) / L. S. Gribova. – Moscow: Moscow State University, 1969. – 16 p.
22. Gribova, L. S. Permskij zverinyj stil' [Perm Animal Style: problems of semantics] / L. S. Gribova. – Moscow: Nauka, 1975. – 148 p.
23. Gribova, L. S. Dekorativno-prikladnoe iskusstvo narodov komi [Decorative and Applied Arts of the Komi People] / L. S. Gribova. – Moscow: Nauka, 1980. – 240 p.
24. Gribova, L. S. Narodnoe iskusstvo komi [Komi Folk Art] / L. S. Gribova, E. A. Savelyeva. – Moscow, 1992. – 190 p.
25. Zherebtsov, L. N. Nauchnyj otchet ob itogah etnograficheskoj ekspedicii 1964 g. v Sysolskij rajon Komi ASSR i v Komi-Permyatskij nacionalnyj okrug [Sci. report on the results of the ethnographic expedition to the Sysola region of the Komi ASSR and Komi-Permian National Okrug in 1964] / L. N. Zherebtsov, P. A. Kuratov, L. S. Gribova // Sci. Archive of the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS. F. 1. Op. 13. D. 108. 195 L.
26. Zherebtsov, I. L. L. N. Zherebtsov – uchastnik etnograficheskij ekspedicii 1950–1970-h godov (k stoletiyu so dnya rozhdeniya) [L. N. Zherebtsov – participant in ethnographic expeditions in the 1950s and 1970s (on the centenary of his birth)] / I. L. Zherebtsov // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS. Series «Historical Demography». – 2025. – No. 9(85). – P. 100–114.
27. Zherebtsov, I. L. P. A. Kuratov. Poselki lesozagotovitelej verhnjej i srednej Sysoly po materialam etnograficheskoj ekspedicii 1964 goda [Logging settlements in the Upper and Middle Sysola, based on materials of the 1964 ethnographic expedition] / I. L. Zherebtsov, V. A. Sablin, I. N. Tyapin // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS. Series «Historical Demography». – 2025. – No 9 (85). – P. 142–151.

Благодарность (госзадание):

Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН.

Acknowledgments (state task):

The publication was prepared within the frames of the state task of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences.

Информация об авторах:

Шарапов Валерий Энгельсович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора этнографии Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, ORCID: 0000-0003-0032-7081, SPIN-код: 3536-5731 (167023, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: sharapov.valery@gmail.com).

Жеребцов Игорь Любомирович – доктор исторических наук, директор Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, ORCID: 0000-0002-7115-4547, SPIN-код: 4146-9470 (167023, Российская Федерация, г. Сыктывкар, Республика Коми, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: zherebtsov@mail.illhkomisc.ru).

Authors:

Valery E. Sharapov – Cand. Sci. (History), Leading Researcher of the Ethnography Sector, Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, ORCID: 0000-0003-0032-7081, SPIN-code: 3536-5731 (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167023, Russian Federation; e-mail: sharapov.valery@gmail.com).

Igor L. Zherebtsov – Dr. Sci. (History), Director of the Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences, ORCID: 0000-0002-7115-4547, SPIN-code: 4146-9470 (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167023, Russian Federation; e-mail: zherebtsov@mail.illhkomisc.ru).

Для цитирования:

Шарапов, В. Э. Полевые материалы этнографа Грибовой Л. С. по исторической традиции в современном быту и духовной культуре коми-пермяков (1964) / В. Э. Шарапов, И. Л. Жеребцов // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2026. – № 3 (88). – С. 128–137.

For citation:

Sharapov, V. E. Field materials of the ethnographer L. S. Gribova on the historical tradition in the everyday life and spiritual culture of the Komi-Permians (1964) / V. E. Sharapov, I. L. Zherebtsov // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2026. – No. 3 (88). – P. 128–137.

Дата поступления статьи: 13.04.2026

Прошла рецензирование: 30.04.2026

Принято решение о публикации: 08.05.2026

Received: 13.04.2026

Reviewed: 30.04.2026

Accepted: 08.05.2026